

ТРЕВОЖНАЯ ДО

Дво

пальцо

в рот

18+

До Два пальца в рот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66558294

SelfPub; 2021

Аннотация

Вике двадцать шесть. Она живет в небольшом селе с родителями, мечтает о властных сильных красавцах и страдает неврозом навязчивых состояний. В периоды обострения расстройства героиня готова пойти на многое, чтобы вернуть себе покой.

На моем ютуб-канале "Тревожная До" есть аудиOVERсия этого рассказа на фоне сюжетного видео.

До

Два пальца в рот

Дом, в котором жила Вика, был великолепен. Коттедж в немецком стиле с тремя спальнями на мансардном этаже. Спальня Вики выходила на просторный балкон под отдельным остроконечным козырьком. Цвет кирпича под цвет кровли – темно-коричневый и контрастные белоснежные рамы больших окон. Ожившая картинка.

Забор невысокий из того же темно-коричневого кирпича. Заглянуть за него несложно, поэтому большие окна всегда прикрывала газовая тюль, а стеклянные двери балкона в любое время дня и ночи наглухо закрывались плотными ночными шторами.

Не повезло этому горделивому домику только с расположением – самый центр небольшого рабочего поселка. Видом из окон домик порадовать не мог. С одной стороны – большой, складского типа, магазин родителей Вики, с другой – ряд маленьких старых домишек. Со второго этажа хорошо просматривались их небольшие захламленные дворики. Своей красивой европейской мордочкой дом упирался в центральную улицу – а в таких поселках это обычно не самое красивое, но самое пыльное место, напоминающее большой торговый пятачок.

Так что дом одновременно украшал поселок и терялся в

его тоскливых выцветших красках. Так же в этих красках, но уже ничего не украшая собой, терялась двадцатишестилетняя Вика. Отучившись на заочном за диплом о высшем экономическом, она устроилась кассиром в магазин родителей. Но к кассе ее не подпускали, в отделе оставляли только со вторым продавцом, которого по любым обращениям к ней вопросам Вика, не поднимая глаз от телефона, подзывала толстым хозяйским голосом.

Все в ее жизни было понятно и устроено. Еще со школьной поры родители заподозрили эту ее будущую затворническую устроенность и хоть испытывали при этом осознании неясную вину и еще более неясные надежды, понимали, вдали от дома Вика не выживет. Пусть чудит под присмотром.

Сама Вика тоже понимала это, но по-своему. Пока сверстники обживали ободранные столичные углы, она жила принцессой в мансарде и иногда, в редкие, чуть стыдливые для себя, как для любящей дочери моменты осматривала дом на предмет уже собственных хозяйских изменений и улучшений.

О собственной семье Вика не думала, при мужчинах смущалась до подскока температуры. Иногда стеснялась даже отца, а видя обнимающихся родителей не могла отделаться от похабных мыслей, которые заставляла ее, разбуженную по нужде среди ночи, с топотом пробегать мимо закрытой родительской спальни, чтобы не услышать вдруг чего лишнего.

Эти похабные мысли были проклятием Вики. Викина го-

лова вообще была проклятым местом – в ней могла застрять любая мысль и крутиться на изводящем повторе, выгоняя все остальные мысли. Мучалась Вика-девочка, мучалась Вика-девушка. С возрастом это не проходило, опускалось глубже.

Связанные с сексом эти мысли (будь благословлено то время, когда она еще не знала о нем) мучали не только голову, но и тело. Иногда к ним добавлялись голые, горячие сны и, просыпаясь после них, разгоряченная и взвинченная, Вика бежала в ванну. Она включала воду и, прежде чем умыться, закрывала глаза и шептала волшебные слова: «Куда ночь, туда и сон». Повторяла трижды и вроде как образы из снов (мозг, что бес во взрослом девственном теле) действительно смывались в черный слив. Но по каким-то неведомым подземным трубам этот слив соединялся с головой, потому что на следующую ночь образы возвращались.

Днем их присутствие было мучительнее. Днем нужно думать еще о чем-то, а тут они. Например, зовут родители к ужину или покупатель о покрытии сковородки спрашивает, а у Вики перед глазами такое, что стыдно эти глаза поднимать. Тогда их нужно закрыть и сделать два резких кивка головой в правую сторону. С левой стороны мысли не вытряхивались. После этого представить какой-нибудь посторонний предмет и вцепившись в него вниманием можно открывать.

Этим выученным с детства, повторяемым десятки раз за день ритуалом Вика возвращала себе покой и отнимала его

у родителей. Ее тик стал предметом ночных, взволнованным шепотом разговоров, которые Вика не могла слышать из-за своего такого же взволнованного топота. С неохотой предполагались врачи, обсуждались капли, вспоминались далекие дни, отыскивались параллели. И со страхом не признавалось наличие главной – иногда дочь особенно заносило и после этого на какое-то время тик отступал.

Сама Вика тиком это не считала – она осознанно делала то, что настойчиво требовалось и возвращала себе покой. «Заносы» свои не воспринимала серьезнее, чем безвыходные два пальца в рот при сильной тошноте. Нужно лишь решиться и токсины тут же выйдут наружу. После прыжка с гаража это сработало на пару месяцев, после поедания четырех муравьев навязчивости отступили на полгода. Блаженный отлив. В детстве было проще.

Этим летом, жарким, липким и уже угасающим, Вика вновь изнывала в ловушке. Новая навязчивость не вытряхивалась, не исчезала в сливе, она настойчиво буравила голову. Во сне и наяву, на экране телефона, на стекле прилавка, в узоре обоев спальни, на мраморной кухонной столешнице она видела, как рука новенького продавца из соседнего отдела сжимает ее левую грудь. Видела Вика это всегда со стороны: себя, полулежащую на диване в гостиной и его, нащупывающего ее сердце. Их лица красные, блестят от пота и отражают всполохи начинающегося в комнате пожара. Кажется, подобную сцену Вика мельком видела в каком-то фильме.

Теперь видит постоянно.

Симпатии к новенькому Вика не испытывала. Василий хоть и был ее ровесником, выглядел как-то потасканно, обреченно. Он вырос из некрасивого хулиганистого мальчишки в глуповатого некрасивого мужчину и уже сейчас его легко было представить безобразным стариком. Зря Марина, второй продавец отдела, многозначительно улыбалась, когда он заходил к ним, опирался на прилавок и вытаращив на Вику бесцветные глаза, выплевывал: «Какдьяла?». От него всегда пахло огуречным одеколоном, а в уголках губ серебрились пузырьки слюны.

Доходило до отвращения, но от буравящего голову образа Вику все равно бросало в жар, а низ живота предательски ныл.

Эта изводящая, как тошнота, навязчивость со временем стала вызывать реальную тошноту. Даже когда огуречный Василий уходил из отдела, непременно подмигнув на прощание, его огуречный запах оседал у Вики во рту. Растекался привкусом на языке, а то, что творилась над языком, то, что плавало, наматывая бесноватые круги в мозгу, делало этот привкус невыносимым. Хотелось постоянно полоскать рот, тереть язык наждачкой, забивать вкус чем-то едким и пахучим.

Огурцы Вика есть перестала. Начала курить.

Сон стал обрывочным. Изматывал. То ли Василий ей снился, то ли в полудреме не отступала, искажалась неуго-

монная мысль. Так к ритуалам с водой добавился еще один. Происходил он в душе. Распаленная, взвинченная до истерии Вика ласкала себя и затравленно вздрагивала, и напрягалась от любого случайного звука. Внимание не отключалось, облегчение не приходило. Ей казалось, что родители притаились за дверью, предполагают, подозревают, считают время.

Этот ритуал никогда не удавался. С набухающим в горле комом, дрожащими от злобы пальцами Вика поворачивала вентиль. Вода замолкала, обнажая тишину в доме. Вика ломала ее тяжелыми ударами спешащих ног, грохотом хлопнувшей двери. Заперевшись в спальне, она натягивала махровый халат на мокрое, в мурашках тело и падала на кровать. Плачущим лицом в подушки. Прислушивалась к гулкому тяжелому сердцу, к острой пульсации между ног и думала о единственном возможном решении.

Два пальца в рот и покончить со всем этим.

С этих мыслей начинался занос. Период деятельной, настойчивой и хитрой Виктории. Такая могла добиться в жизни многого, но доступ к этим качествам открывался только когда очередная навязчивость доходила до предела.

И обычно в такие периоды не обходилось без жертв.

Вике было десять, когда ей пришлось прыгнуть с крыши гаража. Тогда семья еще жила в многоквартирном двухэтажном доме, полоска гаражного кооператива хорошо про-

смастривалась из окон. Но в тот промозглый ноябрьский день никто не видел, как девочка забралась на крышу, толкнула лестницу и, заранее выставив руки вперед, прыгнула следом.

Она вернулась домой в рваных шерстяных штанах, кожа сквозь дырки тоже рваная, красно-черная, вывихнутая кисть висит на уровне груди, подрагивает от плача. Еле-еле, сквозь слезы, Вика сказала, что не нашла котеночка, а мальчишки забрали лестницу и убежали. Она назвала их имена.

Тем же вечером, пока мама возила ее в больницу, отец прошелся по всем квартирам, где жили нужные имена. Испуганные мальчишки твердили, что у гаражей их сегодня не было и никаких котят они не видели. Их испуганные родители обещали самое строгое наказание, слушая и веря другому разъяренному родителю. А все неприятности Вики сосредоточились в перевязанной неподвижной кисти и пощипывающих обработанных коленках. Из головы они ушли. Навязчивый образ крыши испарился, сны о том, как она прыгает и взлетает тоже.

Соседских мальчишек, хоть и не посадили на цепь, как требовал отец, просить держаться подальше от Вики лишний раз не пришлось. Ее избегали, двор для девочки опустел. По каким-то мистическим, невидимым каналам этот сигнал тревоги передавался всем мальчикам, парням и мужчинам, проходившим близко с ее существованием. Все будто понимали, опасность есть, неясная и несильная, но пышногрудая и не очень симпатичная девушка в короткой юбке может ис-

портить жизнь.

Василий был первым, кто наклонился к ней и спросил, как дела. Василий был первым, чей взгляд становился масляным при виде Виктории. Это облегчало задачу – его не придется заманивать обманом, а чтобы избавиться вполне подойдет и старая, проверенная схема.

Оставалось дожидаться случая. И в последний день лета он наступил. Родителей пригласили на юбилей. С середины дня и до позднего вечера Вика была за хозяйку и, конечно, она тут же позвала гостя.

Номерами с Василием Вика не обменивались, но он был подписан на нее в «Инстаграме». Страничку Вика вела неактивно, выкладывала замысленные селфи, иногда стоп-кадры из любимых аниме. Особенно часто мужских персонажей, которых с волнующим приятным стыдом называла мужьями. Представляла целый гарем из высоких, обладающих супер-способностями, принадлежащих к знатным родам, властных и уверенных.

И хотя Василий не подходил ни по одному из этих пунктов, она открыла его профиль и написала сообщение. Сказала, что хочет провести время, что родителей нет дома и что очень любит шампанское. Спустя полчаса раздался звонок. Вика сделала фото на электронный глазок и открыла дверь.

Подготовилась к этому событию Вика серьезно. У нее было время обновить макияж, побрить ноги и тщательно натянуть чулки, следя за ровностью заднего шва. Шев все рав-

но лег неровно, как сказали бы местные, будто телок нассал. Вика отвлекла внимание открытым топом из легкой, полупрозрачной ткани и каплей духов между больших, поднятых специальным бюстгальтером, грудей.

Перед самым приходом Василия она разожгла камин и сложила диванные подушки на правую сторону – сделала так, как виделось.

Василий принес коробку конфет и самое дешевое шампанское. Сегодня от него не пахло огурцами, но новый припорный парфюм был таким же резким. Увидев девушку, парень одобрительно присвистнул. Присвистнул еще раз, зайдя в гостиную и осмотревшись.

– Не жарковато ли для камина? – он оттянул футболку за ворот, потряс ткань, подул внутрь. Вика подготовилась к этому вопросу и уже придумала ответ, который должен был полностью развеять сомнения Василия насчет этого вечера.

– А ты боишься когда горячо? – голос взволнованно дрогнул, лицо вспыхнуло так, что запульсировало в глазах. Вика поспешно отвернулась, стала возиться с коробкой конфет, пытаясь подцепить красными ноготками целлофан.

Василий воспринял этот жест по-своему. Он подошел сзади, пахнуло жаром и потом. Остатки свежего воздуха, еще доступного Вике, разъел едкий парфюм.

Но когда Василий дотронулся теплыми влажными пальцами до ее локтей, Вике стало одновременно страшно и приятно. Что бы она ни фантазировала ночами, какие бы сюже-

ты ни подсматривала в своих любимых японских комиксах, реальность оглушила.

Теперь глуповатый, некрасивый Василий оказался главным в ее гареме.

Все еще поддерживая ее за локти, он осторожно направил их вспотевшие тела к дивану. Вика уронила коробку, наступила на нее тяжелым неловким шагом. И так же тяжело и неловко упала горячим лицом в приготовленные подушки. Все было совсем не так; она лежала на животе, лицо не раскрашивали всполохи огня, только мучал пожар внутренний.

Все прошло быстро. Василий по-хозяйски орудовал телом Вики, пыхтел и мягко сжимал ее грудь через плотный поролон. Вика, уткнувшись носом в подушки, пыталась то ли не рассмеяться, то ли не расплакаться. Когда Василий со вздохом опустился рядом на диван, она вынырнула, выгнула спину и подставила вспотевшее красное лицо красному огню. В комнате было жарко, неприятно пахло. Вика с трудом развернула свое одеревеневшее тело, откинулась на подушки и взглянула на Василия. В этот момент он показался ей безобразным. Вика закрыла глаза. Ничего, лишь пульсирующая красным темнота. Все ее неприятности сосредоточились в непривычной боли между ног и тошнотворной вони, которая плавилась в перегретой комнате. Из головы они ушли.

– Может, выпьем? – диван скрипнул, в своей пустой темноте Вика предположила, что Василий потянулся за шампанским. Зашуршала плотная фольга.

– Тебе пора, родители скоро вернуться, а мне еще надо прибраться.

Очевидно, Василий не ожидал такого ответа, потому что продолжал открывать бутылку. Хлопнула пробка.

– А с этим что делать?

Вика открыла глаза. Посмотрела на свои пухлые ляжки – на внутренней рыхлой поверхности темно-красные мазки, чулки сползли до колен. Перевела взгляд на Василия. Он сидел в спущенных трусах, уперев открытую бутылку в колено, красный и удивленный.

Вика закричала.

Спустя десять минут, полных ее истерического крика, толкания к двери перепуганного Василия, угроз и слез, которые лучше всего удавались ей в общении с противоположным полом, Вика осталась одна в окружении доказательств.

Главным доказательством выступало собственное тело. Для пущей убедительности Вика дернула на груди топ – ткань легко разошлась. Проверила фотографию в памяти глазка – Василий на ней улыбается, видно, что доволен происходящим. Мятая коробка на полу тоже хороший признак бывшей в этой комнате борьбы, вот только зачем камин...

Вика посмотрела на часы – до прихода родителей время еще было, дрова уже догорают, комната успеет выветриться. Нужно просто подождать. Когда они вернуться, она будет лежать к ним спиной, будет плакать, а потом расскажет все дрожащим голосом.

Она избавится от Василия, который грозил сам стать мучительной навязчивостью.

Так сытая Вика, не подумав о будущей голодной Вике, решила сразу эту угрозу пресечь.

Впервые все окна в доме были раскрыты настежь. Легкая дымчатая тюль прятала от случайных глаз репетирующую на диване девушку. Она хныкала, сотрясалась, представляла, как испуганно отдернет плечо, когда до нее дотронется отец, как вскочит с места и будет смотреть затравленно, уничижено.

Блаженный отлив, как в детстве. И ни один муравей не пострадал. Вика довольно хмыкнула, выдохнула, потянулась, с удовольствием ощущая свое новое тело, закрыла глаза.

В спокойной с красноватым отливом темноте пусто. Только светлое пятно пульсирует справа, то приближаясь, разбавляя собой темноту, то вновь бледнея, отступает. И вдруг в эту темноту ворвался огонь. Сначала Вика увидела танцующие всполохи, потом различила комнату за ними. Огонь висел на легкой тюли, грыз спинку дивана, на котором она лежала, проедал черные дыры в ковре.

Вика вскочила испуганно, как репетировала. Посмотрела на камин – там мягко атели догоревшие головешки. Несколько раз закрывала глаза, жмурилась с силой, чтобы яркими вспышками задавить новый образ. Тряхнула головой в правую сторону, постаралась тут же представить что-то, но увидела себя: перекошенный рот, вспотевшее лицо, бликую-

щее на коже пламя. Теперь огонь висел и быстро карабкался по краям ее рваного толика.

Вика закрыла горячее мокрое лицо руками и упала на диван.

Эту осень она еще продержится. А там... Два пальца в рот и покончить со всем этим.

При создании обложки использовалась художественная работа автора.